

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ И ПРАВОВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ*

В. ЗОРЬКИН

В истории каждого государства есть ключевые для народной памяти даты. Для России одной из них является 3 марта 1861 г. В этот день Александр II, получивший от российского общества почетное именование «Освободитель», подписал Манифест о даровании крепостным прав состояния свободных сельских обывателей.

Манифест положил начало широкомасштабной модернизации всей системы общественных отношений в России. Главная цель Манифеста выражена в его заключительной фразе. Царь-освободитель, обращаясь к народу, призывает народ просить Божия благословения – на что? На *свободный* – именно свободный! – труд как залог домашнего благополучия каждого человека и блага общественного.

Заключительная фраза в манифестах, призванных изменять жизнь народную, всегда имеет особое значение. В заключительной фразе обсуждаемого нами здесь судьбоносного Манифеста «свободный труд» сопрягается не только с «благополучием каждого человека», но и с «благом общественным». Это триединство: «свободный труд и свобода вообще» – «личное благополучие» – и «общественное благо» – и поныне является важнейшим ориентиром для нас всех. А в 1861 году указание на подобное триединство было воспринято с подлинным ликованием.

Кто-то скажет: «Стоит ли придавать такое значение словам?»

* Доклад председателя Конституционного суда РФ на научно-практической конференции «Великие реформы и модернизация России» (Санкт-Петербург, 3 марта 2011 г.). <http://www.ksrf.ru>

Тому, кто так скажет, стоило бы напомнить, что «в начале было Слово». И добавить, что всегда, покуда есть человечество, и человечество алчет блага, а значит, и преобразований, к этому благу ведущих, – в начале будет Слово. Оно и только оно.

Но не зря ведь сказано, что «Слово было в начале». То есть, что за словом нечто последовало. Если за словом не следуют дела – слово и впрямь мало что значит. Последовали ли дела за тем великим словом, которое содержалось в Манифесте? Да, безусловно.

За Манифестом последовала широкая серия либеральных реформ. Из них судебная была самой кардинальной. Именно благодаря последовавшей за Манифестом судебной реформе в суды пришли равенство сторон, господство закона, а значит, и подлинное стремление к правосудию.

Но ведь были и другие реформы, последовавшие за великим словом царя-освободителя. Земская реформа. Реформа городская. Военная реформа. Реформа образовательная.

Эти великие реформы 60–70-х годов XIX века стали крупнейшим прорывом от несвободы к свободе в ключевых сферах общественной жизни России.

Но почему же тогда эпоха великих реформ сменилась эпохой контрреформ? Почему было упущено драгоценное историческое время? Почему в очередной раз захлопнулось «окно возможностей»? Почему в очередной раз не свершился долгожданный переход к свободе? Почему вместо такого перехода началось блуждание по лабиринту смуты и несвободы?

Споры о причинах тогдашних неудач продолжаются и поныне.

Была ли главной причиной внутренняя противоречивость основной – крестьянской – реформы, пытавшейся сочетать несочетаемое: дарование свободы и сохранение зависимости? Или же причиной была неготовность к преобразованиям основных слоев общества, чье правовое сознание было деформировано веками крепостного рабства?

Только ли косностью следует объяснять послереформенную ностальгию крестьянства по дореформенным временам? Или же реформаторы, стремясь, конечно же, к великому благу, чего-то не учли, наступили, образно говоря, на какие-то исторические грабли? Какие? Как обнаружить, в чем суть их тогдашней ошибки? Ибо если они хотели, чтобы страна прорвалась к свободе, а страна к ней не прорвалась, то мы просто не имеем права не обсуждать их ошибки. Отдавая дань и благородству их помыслов, и историческому масштабу совершенных ими деяний.

Мы знаем, что крестьяне после реформы нередко сожалели о старом времени, когда, по их словам, обращенным к помещикам, «мы были ваши, а вы – наши». Имеем ли мы право называть подобную ностальгию рабской? Рассуждать об идиотизме крестьянской жизни и всем том, что этот идиотизм порождает?

Даже если бы все было именно так (а я уверен, что это не так), все равно ответственность за срыв реформ лежит на реформаторах. Она по определению всегда лежит только на них. Ибо, дерзая изменить народную жизнь, они должны учитывать реальность этой жизни. Недоучет реальности всегда чреват губительными последствиями.